Молодой Грифон

— Наблюдайте, — прошептал я, пока я охотился на Охотника, — трус в его естественной среде обитания.

Безымянные мальчики Лефтериса ползли за мной, обмотав головы полотнищами зелёной ткани, чтобы скрыть свои рыжие волосы. Но они не могли скрыть свои глаза, широко открытые и напряжённо следящие за самим Героическим Охотником. Их сосредоточенность была достойна похвалы, хотя навыки слежки оставляли желать лучшего.

Я улыбнулся, заметив как дрогнул мускул на шее массивного охотника.

— Трус понимает, что его образ жизни находится под угрозой, но ему не хватает инстинкта убийцы, чтобы что-то с этим сделать. Вместо этого он посвящает своё время рутинным занятиям, таким как охота на низших существ и их пожирание, несмотря на то, что он может обходиться без пропитания неопределённо долго. — Я продолжал рассказывать для моих юных подопечных, сохраняя суровый голос, который, без сомнений, мог слышать Кайно.

Мы снова были в дикой природе, но на этот раз к северу от города-святилища Олимпии. Дичи здесь было предостаточно, если, конечно, ты был достаточно силен, чтобы справиться с любым встречным добродетельным зверем, ну или достаточно удачливым, чтобы избежать их. В данный момент Героический Охотник выслеживал оленя.

— Откуда ты знаешь, что он трус? — спросил шёпотом более юный и развитый из двух детей.

— Я уже несколько недель наблюдаю за этим морским существом, — сказал я, бесшумно сдвигая подлесок в сторону бесформенными руками намерения панкратиона. Мальчики изо всех сил старались следовать за мной по пятам, но хруст мёртвых листьев выдавал их. — Обратите внимание на его рост – выше, чем любой из его сверстников. Обратите внимание на его пневму, которая явно находиться в царстве легенд. Это человек, который способен изменить мир.

Старший из двух мальчиков вышел слегка перед своим братом, вставая между младшим и нашей добычей, когда я описал всю угрозу. Я слабо улыбнулся и погладил его по голове.

— И поэтому мы должны спросить себя, — продолжал я, — счастлив ли он и доволен ли он своей жизнью в её нынешнем виде, или он слишком боится расправы, чтобы сделать её таковой?

— Может быть, он счастлив, — предположил младший из них. — Откуда ты знаешь, что это не так?

— Справедливый вопрос, — признал я, начав подниматься. — Давайте спросим его.

— Нет! — зашипел старший из них, запрыгивая мне на спину и всеми силами пытаясь потянуть меня обратно вниз. — Ты не можешь!

— И почему нет? — спросил я. Его усилия, чтобы остановить меня, были похожи на удар пуховой подушкой, но я подыграл и застыл на полпути.

— Он расскажет Тери, что мы были с тобой, — срочно сказал младший, схватив меня за правую руку обеими руками и со всей силы дёргая вниз. — Он не должен знать, что мы ушли из дома!

Я подумал об этом. На другой стороне поляны, достаточно далеко, чтобы два мальчика с таким низким уровнем культивации не могли разобрать мелкие детали человеческого лица, я увидел, что Кайно смотрит на меня краем глаза. Я серьёзно кивнул, опустившись обратно на корточки.

— Я понимаю, — сказал я. — Мы продолжим, как прежде. — Молодые бродяги с облегчением опустились на землю. Вдалеке я увидел, как Кайно в тихом отчаянии закрыл глаза и вернулся к своей охоте.

— Если мы не можем узнать правду от самого человека, то как ещё мы можем её узнать? Какие признаки нужно искать? Что делает человека счастливым?

— Сила, — сразу же ответил не по годам развитый. Как мило.

— Естественно.

— Богатство, — предложил старший. Я кивнул.

Младший постукивал себя по подбородку, разноцветные глаза задумчиво сужались, пока мы продвигались через дикую местность. Кайно нашёл свою добычу – большого оленя с пятью развилками на каждом роге. Я внимательно следил за тем, как он двигается, какой подход выбирает и почему. Я отмечал, в какую сторону дует ветер, и в каких тенях он прячется.

Это не был добродетельный зверь, на которого охотился великий герой. Это был всего лишь олень, и поэтому действия Кайно были чисто символическими. Он мог бы закончить эту охоту в считанные мгновения, если бы почувствовал необходимость напрячь свою пневму, но это противоречило бы цели того, зачем он сюда пришёл. В конце концов, это был не более чем способ убить время.

— Женщины, — предложил младший брат, и Кайно слегка передёрнуло.

Хо?

— Твой возраст можно пересчитать по пальцам двух рук, — презрительно сказал я, хотя мой взгляд ни разу не сошёл с Героического Охотника. Как интересно. — Что бы ты вообще сделал с женщиной?

— Я бы сделал её моей наложницей, — настаивал младший брат, надувая грудь в моём периферийном зрении. — Королю нужны наложницы.

Старший брат в тревоге бросился к младшему, схватив его за шею и закрыв ему рот. Я мягко разнял их руками панкратиона, подняв голову младшего мальчика, когда тот попытался смущённо уставиться в землю.

— И что бы ты пожелал, чтобы наложница сделала для тебя, маленький король?

Маленький король колебался, поглядывая на своего брата, но я довольно крепко держал их обоих. Наконец, он набрался храбрости и смело ответил.

— Я бы пожелал, чтобы она наливала мне напитки и кормила меня виноградом, — твёрдо заявил он.

Я очень старался не засмеяться. Мы всё-таки были на охоте.

— Как мне называть тебя, маленький король? — спросил я его. В ту ночь, когда я спустился с

горы, Лефтерис ничего мне не сказал, и мне было не до-того чтобы спрашивать. Но теперь мне стало интересно.

Мальчик ответил с механической точностью, которая говорила только о лжи.

— Лео.

— Невозможно, — сразу же сказал я.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал мальчик, голос его резко повысился, когда он начал паниковать. — Это моё имя! — Рядом с ним, подвешенный в воздухе моими панкратионовыми руками, начал биться и метаться его старший брат.

— Так и есть! — настаивал старший. — Клянусь, это так!

— Моё добродетельное сердце не потерпит лжи, — предупредил я их обоих. — Но, кроме того, вы меня не поняли. Я не могу называть тебя так, потому что это моё имя.

Они оба замерли, уставившись на меня в недоумении.

— Я думал, тебя зовут Грифон, — сказал старший брат.

— Так и есть, — подтвердил я.

Передо мной предстало зрелище двух детей переживающих великое откровение. Маленький король наклонился вперёд, отодвигая мои панкратионовые руки, чтобы подойти поближе и прошептать, как будто это как-то поможет от подслушивания: «Твоё тоже ненастоящее?»

— Наоборот. — Я повернулся к нему лицом, опустившись на пятки. Моё потрёпанное культовое одеяние разливалось по лесной подстилке, как кровь, а меч моего покойного дяди в ножнах торчал вверх, упираясь в грязь. — Оба моих имени полностью принадлежат мне. Я просто решил отказаться от одного в пользу другого.

— Но оно всё равно фальшивое, — настаивал младший. В нём чувствовалась старая боль, неуверенность, которая болела когда её прощупывали. — Даже если ты выбрал его, ты выбрал его только потому, что не можешь использовать настоящее.

— Это то, как поступил твой опекун? — без злобы спросил я. Маленький король закрыл свой рот и замолчал. Я позволил его брату вырваться из моих панкратионовых рук, защитно нависнув над плечом юного короля. Затем я обратился к нему. — И как мне называть тебя, маленький защитник?

— Пир.

Лев и пламя: «Скажите мне кое-что. Как долго вы оба страдали под чужими именами?» — спросил я. Над нами, в колючей листве елей, что росли к северу от Города Полу-Шага, раздался предупреждающий крик орла.

Я резко обернулся: тридцать рук намерения панкратиона проявились, и в их ладонях запылал Розовый Свет Зари.

Из подлеска выскочил крокодил, достаточно большой, чтобы накрыть собой человека как мантия, и в его раскрытой пасти сверкнуло совершенно неестественное количество зубов. Он

преодолел расстояние между нами за то время, которое потребовалось мне, чтобы повернуться, прежде чем мальчики успели даже вскрикнуть. Затем тридцать рук моего жестокого намерения обрушились на него, сжимая сотни зубов вместе.

Если присутствие зверя здесь, в зимнем лесу, не было достаточным доказательством его неестественного происхождения, то зубы – точно были. Это был добродетельный зверь, я был уверен в этом, как в восходе солнца, и с силой и скоростью, чтобы соответствовать сотне своих обычных собратьев. К сожалению для величественного существа, крокодил оставался крокодилом. Как только его пасть закрыли, её было слишком легко удержать закрытой.

И я не боялся бороться с ящерицей.

— Наблюдайте, — сказал я и, толкнув крокодила в кусты, повалил его на землю.

— Мы выяснили, что делает человека счастливым! — воскликнул я, обхватив рукой толстую, как дерево, шею рептилии и оттянув её назад, тридцатью руками панкратиона убедившись, что он не сможет разжать челюсть. Зверь начал кататься, жутко тихий, несмотря на неистовство его движений. Я обхватил его пузо обеими ногами, а свободной рукой, покрытой Светом Зари, стал наносить удары в его бок.

— Сила! — Удар

— Богатство! — Удар

— Наложницы, чтобы кормить нас виноградом! — Треск. Массивное существо прокрутило нас почти по полному кругу, когда я наконец сломал ему одно из рёбер. Оно выдохнуло глубокий, грохочущий звук боли, от которого задрожали листья на ветвях. Я снова ударил его в то же место, и он прокатил нас прямо через ствол могучей ели.

— Но вы забыли про гордость! — Я вцепился в напряжённую пасть крокодила обеими руками из плоти и крови, убирая мои руки панкратиона и обращая их на падающую ель. Дерево мгновенно загорелось в местах соприкосновения с руками моего намерения, и они принялись разрывать его на части, пока оно падало.

— Даже у труса есть своя гордость, сколь бы ошибочной она не была, — пояснил я для маленького короля и его верного защитника. Я увидел, как мелькнули широко раскрытые разноцветные глаза, как старший настойчиво потянул младшего назад, прежде чем толстая ящерица снова покатила нас. — Даже у труса есть своё эго!

Руки моего намерения панкратиона начали бить палками и дубинками из горящего елового дерева, вбивая их в крокодила со всех сторон. Рыча от усилий и крутя бёдрами, я ещё раз перевернул нас. Моей спиной к земле, и брюхом крокодила к небу. Моё яростное намеренье наносило удары по его уязвимому брюху без пощады, я наслаждался его грохочущими криками.

И затем я был приятно удивлён. Я услышал резкий детский крик и почувствовал, как в вихри моего влияния устремился скромный Гражданский культиватор, и из подлеска вынырнул маленький король с дикими глазами и топором дровосека в обеих руках. Он проскочил сквозь кипящую массу моих пылающих панкратионовых рук и, используя все свои силы, обрушил топор на уязвимый живот крокодила.

И топор дровосека раскололся на куски. Разумеется, даже самая хрупкая чешуя этого существа была прочнее, чем топор из обычного железа.

Маленький король оскалил зубы и, сжав кулаки, стал наносить удары в живот зверя. Я усмехнулся. Мгновение спустя из кустов вынырнул защитник, пневма пылала в абсолютной панике, и, увидев ситуацию, старший не стал медлить, бросившись всем телом на оскаленную пасть крокодила и вогнав оба больших пальца в его глаза.

Пневма зверя завибрировала и вырвалась из него. Уверенность в нашей смерти охватила нас троих в этот момент. Знание того, что на нас уже охотились, что мы уже сидим в пасти хищника. Я почувствовал, как крокодил вгрызается в саму мою душу.

Я откинул голову назад и засмеялся.

— Хорошо! Хорошо! Сражайтесь, как будто от этого зависит ваша жизнь! Сражайтесь, как будто это всё по настоящему, потому что так и есть! Человек умирает тысячью смертей, если он оставляет без ответа тысячу оскорблений – силу, богатство и женщин можно получить и потерять и снова получить. Гордость человека – единственный ресурс, который он не может вернуть! Охраняйте её своей жизнью, потому что это и есть ваша жизнь! Богатство преходяще, сила относительна...

Героический Охотник выпрыгнул из елового леса, оставив кратер в земле и подбросив нас всех на три фута в воздух. Мальчишки хрюкнули, небрежно приземлились и окаменело уставившись на нечитаемое лицо героя.

Я повернул голову, чтобы встретиться взглядом с Кайно и, ярко улыбаясь, вложил последний удар в израненный бок его крокодила.

— Гордость, — пообещал я ему, — абсолютна.

Губа Кайно приподнялась над зубами. Он сделал резкий жест правой рукой, левой удерживая того самого оленя за загривок как непокорную собаку. Я отпустил крокодила и с некоторым весельем наблюдал, как он бросился к нему, взмывая вверх по его ногам и каким-то образом превращаясь из живого, дышащего хищника в пустую шкуру, как только оказался у него над головой.

— Вы слишком громкие, — проворчал Героический Охотник. — Вы распугали всю дичь.

— Что делает человека счастливым, Кайно? — спросил я, подперев голову одной рукой вместо того, чтобы встать.

Он вздохнул: «Я не знаю».

— Он был прав, — прошептал маленький король своему защитнику.

— Мой наставник всегда говорил мне, что самое большое счастье в его жизни – это учить меня, — многозначительно сказал я. И это была правда. Старый Черсис, человек на плечи которого легло основное бремя моего обучения в Розовой Заре, говорил эти слова бесчисленное количество раз. Был ли его тон при этом совершенно искренним, я сказать не могу.

— Сильно сомневаюсь, — сказал Кайно, вероятно думая о моём угрюмом Римском брате.

— Попробовать стоит, — ободряюще сказал я и поднялся на ноги, отряхивая моё потрёпанное культовое одеяние. Я уже мог чувствовать как в местах, где крокодил ударил мной в особенно неприятные поверхности, образовалось несколько глубоких синяков, но это была приятная боль. — И признаться, мои познания в полевом ремесле не такие, какими могли бы быть. И я уверен, что эти мальчишки с удовольствием поучатся у легендарного героя. Не так ли?

Маленький король решительно кивнул, не оставив своему защитнику иного выбора, кроме как последовать его примеру.

Кайно рассматривал их обоих. Тёмные глаза повернулись ко мне, и в их глубине блеснул древний хищный взгляд крокодила. Я шагнул вперёд, в открытую пасть, и протянул руку.

Ты потерял часть своей гордости, сказал я голосом своей души, чтобы мальчишки Граждане не смогли услышать. Неужели ты собираешься смотреть, как и остальное ускользает от тебя?

По причинам, которых я не знал, но намеревался выяснить, герои этого места были сломлены. Они были сделаны меньше того, чем должны были быть. Но это не означало, что они полностью утратили всю свою сущность. Они всё ещё были мужчинами и женщинами, о которых стоило рассказывать истории. Они всё ещё были любимы Музами и ненавидимы Судьбами.

И этот, нависший надо мной на зимней поляне с капающей с его рук кровью, по-прежнему был грозным хищником.

— Научи меня охотиться, — попросил я Героического Охотника.

Он вздохнул и сжал мою руку своей.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3514562